

Пришло время,
и он сменил гитару на пистолет

В Л А Д И М И Р

КОЛЫИЧЕВ

МОЙ НЕВЕРНЫЙ
ОДНОЛЮБ

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Колычев. Любовь зла и коварна

Владимир Колычев

Мой неверный однолюб

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Мой неверный однолюб / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2018 — (Колычев. Любовь зла и коварна)

ISBN 978-5-04-098394-0

Лидер школьного ансамбля Паша Маслов нравился девчонкам. А его интересовали только две из них, Ира и Катя. Правда, у девушек были свои поклонники, но это не смущало настойчивого солиста. Страсти не утихли и по окончании школы. Продолжая добиваться женского внимания, Паша попадает в неприятные ситуации: его преследуют бандиты, он лежит в больнице, находится по ложному обвинению под следствием. В конце концов он даже женится, но неудачно... Однако все это выглядит мелкими неприятностями по сравнению с испытаниями, которые парню только предстоят...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098394-0

© Колычев В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Григорьевич Колычев

Мой неверный однолюб

© Колычев В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

Бас-гитара ревела как недоенная корова, «соло» выло и визжало, барабаны беспощадно вбивали звук в огромные гудящие колонки, синтезатор едва пробивался через эту какофонию. Длинноволосый красавчик Паша Маслов пытался что-то петь, но его вообще не было слышно. Группа типа «Не в лад, невпопад» в полном составе. И в своем репертуаре. Вроде как «Больно мне, больно» поют. А Кате почему-то смешно. Она в музыка разбиралась так себе, но даже ей понятно, что этим горе-музыкантам место в басне Крылова. Зато Ирка сжалась в пружину от восторга, искрит у нее там внутри, вибрирует. В резонанс вошла с чудовищными колонками. Ей Паша и раньше нравился, а сейчас она готова от него фанатеть. Или уже.

Паша Маслов смотрелся неплохо. Его длинные волосы гармонировали с высоким ростом и уверенным выражением лица. Он вел себя как самовлюбленный болван, но, возможно, у него имелись основания считать себя таковым. Лицо длинное, скулы широкие – пропорции, близкие к совершенству. Нос у него прямой, без горбинки, но тем не менее в нем угадывалось что-то ястребиное...

Девчонкам он нравился, а Ирку даже смог свести с ума, но Катя дышала к нему ровно. Ну красавчик, и что? Настоящий мужчина вообще не должен быть красивым. Отец у нее далек от идеала в этом плане, а мама души в нем не чаёт. И Катя его любит. А Паша – это ветер в чистом поле, дует, может, и сильно, но впустую.

От шума у Кати разболелась голова, захотелось вдруг на свежий воздух. Она и хотела бы поддержать подругу, но сил больше не было терпеть это акустическое безобразие.

Поднимаясь со своего места, она поймала на себе взгляд Маслова. Парень целиком был увлечен собой, но все же где-то в глубине сознания у него возник вопрос. Он не мог понять, как это Катя посмела отказать себе в удовольствии дослушать концерт до конца. Катя могла отлучиться всего на несколько минут, но Маслов не задавался вопросом, вернется она или нет. Он уже потерял к ней интерес. Одной зрительской единицей больше, одной меньше...

А концерт – праздничный, посвященный Международному женскому дню. Но разве Катя женщина, если у нее не было мужчины?.. Впрочем, Паша Маслов тоже не совсем еще мужчина. В армии он не служил, но это не мешает ему считать двадцать третье февраля своим праздником. Говорят, была вечеринка, и он нажрался там как свинья.

На дворе весна, ветер еще прохладный, но в нем уже чувствовалось далекое тепло южных морей. И угадывался запах цветущих садов. Этот ветер и выдул из ушей зубодробительный шум, стало гораздо легче. И в здание школы возвращаться не захотелось. Но Катя не надела куртку, а в одной жилетке поверх сорочки холодно, можно замерзнуть. А тут еще и Аркаша вышел, маленький курчавый очкарик с чересчур добрым взглядом. Он держал, развесив на руках, ее куртку.

– Замерзнешь!

Вряд ли гардеробщица тетя Таня спрашивала, зачем он берет чужую куртку. Все знали, что если Аркаша что-то делает, то лишь с добрыми намерениями.

Может, потому Катя и не смогла разозлиться на него. Но глянула раздраженно и даже закатила глазки. Она уже давно смирилась с тем, что Аркаша влюблен в нее. И знала, что безнадежно. Никогда она не ответит ему взаимностью.

– Аркаша!

Она вернулась в здание школы, Аркаша, ниточкой за иголкой, потянулся следом. Концерт продолжался, но Катю обратно в актовый зал не тянуло, а в вестибюле откидные кресла,

можно посидеть, подождать Ирку. Если она вернется. А то вдруг ее засосет в колонку, будет там сидеть и радоваться, что любимый Паша где-то рядом.

Катя улыбнулась своим мыслям, Аркаша это заметил и принял на свой счет. Он вернул куртку в гардероб и подошел к ней с робкой улыбкой, в которой угадывалось ожидание. Восьмое марта, может, и не самое важное событие, но это последний праздник в их школьной жизни. Еще совсем немного, и Катя исчезнет в лабиринтах будущего. Если, конечно, ее не удержать, не привязать к себе. А как это сделать, если она не хочет быть с ним? Аркаша знал ответ на этот вопрос, но все же надеялся на чудо.

– Ничего, что я с курткой за тобой бегал? – спросил он, усаживаясь рядом.

– Ты и сейчас за мной бегаешь, – усмехнулась она. – Но уже без куртки.

– Что такое закон относительности? – улыбнулся он. – Я вроде бы сижу, а на самом деле бегаю за тобой.

Катя вздохнула. Аркаша парень сообразительный, но уж лучше бы он тренировал свои умственные способности «тихо сам с собою».

– А почему ты с концерта ушла? – спросил он.

– Угадай.

У Кати не было никакого желания говорить, поэтому пусть Аркаша сам ответит за нее.

– Аппаратура у них просто ужасная!.. А играют как?

– Как?

– Э-э... – Аркаша задумался в поисках умного ответа. Сам он играл на скрипке, даже собирался поступать в консерваторию, а потому мог жонглировать музыкальными терминами. – Да никак!

Катя улыбнулась. Коротко и ясно.

– Я бы, конечно, мог им подсказать...

– Так в чем же дело? – усмехнулась она.

– Ну-у... – Аркаша пальцем поправил очки на переносице.

Ответить ему на его доброту могли грубо или очень грубо – выбор, в общем-то, невелик. Но ведь он сам в этом виноват. Каши надо было много есть, чтобы вырасти, спортом заниматься, мышцы качать. И очки... Есть же специальные методики для тренировки глаз, которые восстанавливают зрение.

– Не лезь ты к ним, – качнула она головой. – У них своя жизнь, а у тебя своя... скрипка.

– Да я не лезу, – пожал плечами Аркаша.

Катя пристально посмотрела на него, но промолчала. А так и подмывало сказать, чтобы он отстал и от нее.

– Там ни слуха, ни аппаратуры, – сказал он.

– Нормально у них там со слухом, – усмехнулась она.

– Да? – Аркаша внимательно посмотрел на нее.

– Просто на Маслова смотреть не могу.

– Почему?

– Потому что влюбилась.

Аркаша медленно поднялся, потрясенно глядя на нее. И непонятно, то ли обрадовался он, то ли разозлился. Вдруг Катя влюбилась не в Маслова, а в него самого.

– Смотреть на него не могу, так влюбилась.

Не должна была Катя так говорить, но Аркаша просто достал ее своей любовью. Может, решит, что шансов у него нет, и отстанет?.. А в Маслова действительно можно влюбиться. И если вдруг Аркаша сболтнет, Катя краснеть за свой выбор не будет. Вот если все узнают, что у нее роман с Аркашей... Но этого не будет никогда.

– В кого влюбилась?

– Ну не в тебя же.

– Нет? – Это был самый настоящий крик души.

– Свободен!

Катя поднялась и направилась в актовый зал. Уж лучше страдания Паши Маслова слушать, чем давать объяснения безнадежному Аркаше.

* * *

Концерт провалился с треском. С тем самым треском, с которым грохотали настолько же мощные, насколько и убогие колонки. Гитары, можно сказать, самодельные, собранные из остатков былой роскоши, усилители слабые, синтезатор настолько древний, что на нем, наверное, играл последний из питекантропов. Ударная установка – единственное светлое пятно в ансамбле, но Вася Пушнов играл на ней так же плохо, как Паша пел. Вокал у него неважный, он сам это знал, но лучше так, чем никак.

– Меня не кантовать, при пожаре выносить первым.

Паша лег на скамью старой, сто лет не крашенной парты, хотел забросить руки за голову, но не смог – мешала спинка. Можно было протолкнуть руку за спиной, но резкие движения опасны для жизни. Старых парт в школьном тире много, раньше они вместе с им подобным хламом занимали чуть ли не всю свободную площадь, а сейчас всего две трети. Но чтобы расчистить жизненное пространство, им с пацанами пришлось ставить парты в три яруса. И если это рухнет...

– Не кантовать! – Вася отстучал ритм, сделал проход.

Вышло не очень, но ему-то этого не объяснить. Он считал себя если не богом, то как минимум его заместителем по барабанной части.

Инструменты и аппаратуру они уже занесли, но не подключили. Настроение у всех мрачное. Думали, что школа на уши от восторга встанет, а вышел пшик. Все началось с Катьки Капитоновой, сначала ушла она, за ней потянулись другие. Ольга Матвеевна не нашла ничего лучше, чем закончить концерт досрочно. Мало того, сегодня вечером дискотека, но группа «Первый взгляд» там играть не будет. А должна была.

– А я говорил, что с таким хламом нам даже на похоронах играть не доверят, – сказал Яша Батурский.

– Даже на своих собственных? – буркнул Паша.

Засмеялся только Рома Кошкалапов. Маленький, худенький, неказистый, он не мог служить украшением группы, хотя на синтезаторе лабал достойно.

– Ну, помирать нам еще рано, – вздохнул Вася.

И отстучал дробь, запедалив напоследок «хай-хэт».

– Инструменты новые нужны, – Яша взял свою гитару за гриф, размахнулся, как будто для того, чтобы разбить ее о стену.

Паша хмуро глянул на него. Гитара могла развалиться и без этого, достаточно просто резкого движения.

– Ой, как у вас тут здорово! – колокольчиком прозвенел девичий голосок.

Паша осторожно поднялся, чтобы не перевернуть на себя парту. Кого там еще принесло?

К ним через узкий проход в завалах шла Ирка Сорокина из параллельного класса. Вроде бы и симпатичная бабеха, но чересчур уж накрашенная, и прическа у нее бомбовская, в смысле «Взрыв на макаронной фабрике». Типа, стиль такой. В теле она, грудь, бедра – в ассортименте, ноги мощные, длинные. Неплохо было бы ее на парту завалить... Но уж лучше с ее подружкой. Катька не в пример стройная, и «станок» у нее что надо. А еще Катьку хорошо было бы наказать. На той же парте, чтоб аж дым коромыслом! Это ведь из-за Катьки все. Она первая с концерта ушла, подав дурной пример остальным.

– Кто дверь не закрыл? – недовольно буркнул Паша.

– Зачем дверь закрывать? – с натуральным возмущением в голосе спросила Ирка. – От поклонниц прятаться?

– Давай отсюда! – Вася вытянул руку и палочками показал ей на дверь.

– Да нужен ты мне! – фыркнула Ирка. – Я от Паши фанатею, а не от тебя! Паш, а можно мне автограф?

Она влюбленно смотрела на Пашу. И ведь не издевалась, а реально хотела броситься ему на шею. И не только.

– На чем? – хмыкнул он.

У Ирки не было ничего такого, на чем можно было расписаться. А у них не было диска со своими песнями, на обложке которого «звезды» обычно ставят свои закорючки. И не будет.

– Как на чем? – опешила Ирка.

Вид у нее был такой, что, казалось, она вот-вот зальется краской. Но не покраснела. Да, она совсем не прочь, если бы он расписался на ее голых полузадях. Но в интимной обстановке. При свечах...

– Ты не такая? – усмехнулся он.

– Я не такая, – совершенно серьезно сказала она.

– А зачем тогда пришла?

– Я же сказала...

Паше уже семнадцать, в прошлом году он познал вкус первой женщины, с тех пор народная тропа к нему не зарастает. Ирка далеко не первая, кто напрашивается на огонек с его свечи. Но лучше бы она просто в любви призналась, чем фанаткой тут прикидывалась.

– Ну и что тебе нравится в нашем творчестве? – спросил Паша.

– Да, между прочим, – кивнул Яша.

Левую руку он прижал к животу, локтем правой оперся о запястье и приложил пальцы к подбородку. И в этой глубокомысленной позе чуть ли не вплотную приблизился к Ирке сзади.

– Все нравится! – кинула она, не обращая на него внимания.

– Всё или все? – усмехнулся Паша.

Яша пристроился к Ирке сзади, задвигал бедрами, не касаясь ее.

– Все нравится. И ты нравишься.

– Яша тебе что-то сказать хочет, – хмыкнул Паша.

– Да?

Ирка резко повернулась к Яше и толкнула его рукой в грудь. Движение мощное, толчок сильный – пацан не устоял на ногах и плюхнулся на мягкое место.

– Придунок! – гаркнула на него Ирка.

Яша порывисто вскочил, даже замахнулся, но ударить ее не смог. Все-таки баба. Да и сам виноват.

– Я тут вам помочь хотела!

– Что-то я не понял, ты меня любишь или всех? – удивленно и с наигранной ревностью спросил Паша.

– Я могла бы с отцом поговорить.

– Ну, Паша, ты влетел! – засмеялся Вася. – Тебя с родителями будут знакомить!

– На всех фанатках не женишься, – качнул головой Рома.

– А если фанатка одна-единственная? – хмыкнул Яша.

– У тебя и одной нет! – едко глянула на него Ирка. – А у Паши их уже много!.. А будет еще больше!.. Если аппаратуру заменить.

– Да! И эту бандуру! – Вася раскидал удары по всем барабанам и тарелкам.

Вышло громко, но бестолково.

– Вместе с прокладкой, – кивнула Ирка.

– С какой прокладкой? – не понял Пушнов.

– Между стулом и барабанами! – сказала она.

Паша хохотнул так, что шатнулась стоящая над ним парта. Он почувствовал это и на всякий случай поднялся – от греха подальше. А Васю действительно не мешало бы заменить.

– Ну, с прокладкой мы разберемся... – Паша вплотную подошел к Ирке. – А как нам нашу лабуду обновить?

– Отец у меня замдиректора комбината.

– Бумажного?

– А какого еще?

– Та-ак!

Паша всего-навсего обнял ее за плечи, а она вдруг стала тонуть в его объятиях. Он даже почувствовал, как под ее третьим размером стучит сердце, хоть на «бочку» его клади, чтобы барабанило. Но такое счастье Паше не очень-то улыбалось, поэтому он отстранился. А то правда придется с отцом знакомиться, а оно ему надо?

– Они в прошлом году в двадцать седьмой школе весь инструмент обновили.

– А нас почему обошли? – разволновался Паша.

Целлюлозно-бумажный комбинат мог позволить себе многое, даже директриса намекала на шефскую помощь, но Паша как-то не догадался обратиться к Ирке. Потому что не знал, кем работает ее отец. А ведь можно было узнать...

– Так заявки не было.

– Будет заявка.

В школе когда-то был вокально-инструментальный ансамбль, потом это дело похоронили в каморке за кулисами актового зала. Паша воскресил идею, нашел людей, но на выходе пока – один сплошной тухляк.

– Давай список, я покажу отцу.

– Будет список, – снова кивнул Паша. И внимательно посмотрел на Ирку. – Если это не шутка.

– Разве такими вещами шутят? – возмутилась она.

– А какими шутят? – Паша обволок ее взглядом, как он умел это делать.

Безотказное оружие против женщин. Неудивительно, что Ирка поплыла.

– Не надо на меня так смотреть, – попросила она.

– А как надо?

– Не надо! – Она резко мотнула головой.

– А если надо? – Он обнял ее за талию, прижал к себе.

Может, она и не в его вкусе, но ему нужны были гитары, микшерный пульт, синтезатор надо бы обновить, а если еще и колонки заменить... Да и не так уж плоха Ирка, чтобы отказаться от удовольствия задобрить ее.

– Тогда пусть они выйдут, – она беспомощно глянула на Васю, который скалился во все тридцать два зуба.

– Тогда можно смотреть? Или не только?

Ирка не выдержала напряжения, оттолкнулась от Паши.

– Да пошли вы!

Заливаясь краской, она рванула на выход. По пути зацепилась плечом за обломок гимнастической скамьи, это вызвало лавинообразный эффект, и в проход за ее спиной посыпались стулья. Но Ирка даже не обернулась.

– И что это было? – спросил Вася.

– Еще не было, – мотнул головой Паша. – Но будет.

Никуда эта дура от него не денется. И если не врет, у них будет все, что нужно.

Глава 2

Ирка сияла изнутри, в глазах у нее восторг, в голосовых связках напряжение. Пела она не очень хорошо, но в ноты попадала. Двигалась тяжело, но в такт. Из кожи вон лезла, чтобы произвести впечатление, и, надо сказать, это у нее хоть и плохо, но получалось.

Желтые тюльпаны, о-о-о! Вестники разлуки о-о-о!.. Цвета запоздалой о-о-о! Утренней звезды, утренней звезды!..

Новенькие колонки не ругались в ответ на ее пение, звук выдавали громкий, но достаточно четкий. И гитары звучали как надо. Оказывается, Паша Маслов умел играть. Он ловко перебирал пальцами струны, и Катя вдруг поймала себя на мысли, что ей нравится наблюдать за ним.

Сам Паша ей не нравился. Все тот же самовлюбленный болван с одной извилиной. Ну красивый, ну смотрится на сцене более чем, и что в этом такого?

Ирка отработала свой номер, исчезла, ее место занял Паша. И снова его пальцы забегали по струнам. На этот раз был «Scorpions» с его «Ветром перемен». Медленный танец не объявляли, все произошло само по себе. К Кате подошел Аркаша, что-то сказал, робко протянув руку.

Отказывать она ему не стала, но в глаза не посмотрела. Все внимание на Пашу. Играл он хорошо, но смотрелся еще лучше. И когда он вдруг запел на языке Шекспира, Катя даже не улыбнулась. Хотя, если честно, вокал у него слабый, а владение английским просто ужасное. Но выглядел он при этом серьезно, уверенно, может потому и не возникло желания поднять его на смех.

Паша на нее не смотрел, да ему и незачем. Катя для него – одна из толпы, ну так на большее она и не претендовала. Паша и сам один из многих, это сейчас он произвел на нее впечатление, но через час-другой после дискотеки она и думать о нем забудет. Ей нужен совсем другой мужчина...

Да, ей действительно нужен другой мужчина, такой, который будет носить ее на руках, дарить не только цветы, но и прекрасное будущее. За которым она будет – как за каменной стеной...

Она вдруг поняла, что прижимается к Аркаше. Сам бы он не посмел привлечь ее к себе, неужели сама прильнула? А зачем? И почему она не отталкивается от Аркаши? Может, он тот самый мужчина, о котором она думает? Этот очкарик?!

Медленная музыка вливалась в душу медовыми потоками, в теле образовалась непонятная щекотная тяжесть, чувства подернулись томительной негой. Аркаша будто почувствовал это, прижался к ней, Катя ощутила пульсацию, исходящую от его дрожащего тела. Она вдруг захотела оттолкнуть его, но так, чтобы не выскользнуть из объятий. Она так и сделала, но тут же поняла, что это был не толчок, а трение. Причем такое приятное, такое волнуемое. Захотелось еще и еще... Аркаша вдруг с силой прижал ее к себе, его тело напряглось, дернулось. А она ощутила прилив дикого, но пугающего восторга.

– Баран!

Катя в панике оттолкнула Аркашу, глянула на Пашу, который продолжал петь, не обращая на нее ни малейшего внимания. Точно болван! И Аркаша полный придурок!..

Она вышла из актового зала. Баста, карапузики – кончились танцы! Пора домой!

Катя забрала плащ из гардеробной, но надевать его не стала. Весна цвела белым цветом, на улице не очень тепло, но и не холодно. А ей жарко – легкая прохлада не помешает.

– Катя!

Аркаша догнал ее. Она и опомниться не успела, как он, забрав плащ, набросил его ей на плечи.

– В рукава надень, простудишься!

Катя могла бы сказать, что ей не холодно. Но тогда придется объяснять, почему. Еще подумает, что ей стало жарко от него.

– Отвали!

Она послала его к черту, но плащ в рукава надела. Действительно, в такую погоду простудиться проще простого.

– А ты уже домой?

Конечно же, Аркаша не собирался никуда уходить. Он же как банный лист, от него так просто не избавиться.

– Нет, к любовнику!

– У тебя нет любовника.

– Много ты знаешь!

– Я же знаю, ты нарочно...

– Что нарочно?

– Так говоришь.

– Что я говорю? Я молчу! Нужен ты больно, чтобы говорить!

Они вышли за школьные ворота, дальше – неосвещенный участок улицы до самого шоссе.

Редко на каком фонарном столбе светилась лампа. Зато кусты пышные вдоль дороги. Не так давно здесь изнасиловали какую-то девчонку. Какую именно, Катя не знала, история об этом умалчивала. Может, и не было ничего. Но запросто может случиться. Тот же Аркаша мог наброситься на нее, ударить так, чтобы она потеряла сознание, и затащить в кусты... Но Аркаша не посмеет. Хотя кто его знает? Прижимался же он к ней на танцах. Еще и терся об нее. Катя нахмурилась. Или это она – об него? Что это на нее нашло?

– Извини, если я тебя обидел, – протяжно вздохнул Аркаша.

– Кто меня обидел? Ты?! – оскорбительно засмеялась Катя. – Ты можешь меня обидеть?!

– Ну, я бы не хотел...

– Чтобы меня обидеть, нужно быть кем-то. А ты никто, понял?

– Я докажу тебе, что это не так.

– Не надо ничего доказывать. Надо просто исчезнуть. Так, чтобы я долго-долго тебя искала.

– Да, конечно. Провожу тебя и уйду.

– Не надо меня провожать!

– Так темно же.

Катя остановилась, повернулась к Аркаше и глянула на него со всей злостью, на которую только была способна. Он все понял и повернулся к ней спиной.

Катя пожала плечами, глядя ему вслед. Интересно, а почему она должна идти домой? Там, в школе, дискотека полным ходом, народ танцует, ее подруга поет. И Пашу Маслова бояться нечего, он всего лишь вызвал всплеск ее интереса. Всплеск, от которого не осталось и следа.

Но возвращаться она не стала. Аркаша еще подумает, что она решила остаться из-за него. А он ей и даром не нужен.

Катя миновала темный участок, пошла вдоль освещенного шоссе. Метров через двести поворот, и она окажется на своей родной улице. А там до ее дома рукой подать.

До поворота оставалось совсем чуть-чуть, когда на обочину шоссе съехала темная «девятка». Машина остановилась, из нее вышли двое, наперегонки бросились к Кате. Она и

понять ничего не успела, как один из них, длинноносый и пучеглазый, дохнув перегаром, схватил ее за руку.

– Это безобразия! Принцесса, и без кареты!

– Так долго продолжаться не может! – сказал второй, круглолицый с маленькими глазками.

Он взял Катю под вторую руку. И они вдвоем потащили ее к машине.

– Пустите! – вырываясь, закричала она.

– Не ори! А то вылетит фея! – засмеялся длинноносый.

Он снова схватил ее за руку, на этот раз крепче прежнего.

– Сказать, куда залетит? – гоготнул круглолицый.

Катя поняла, что на этот раз ей не вырваться. Ее оторвали от земли, перенесли через канаву.

– Помогите!

Конечно же, она понимала, что будет дальше. Эти шальные отморозки вывезут ее куда-нибудь на природу. А может, ее изнасилуют еще до того, как машина покинет пределы города.

Длинноносый уже открыл заднюю дверь машины, когда раздался звук, с каким в заднее стекло влетел тяжелый камень. И тут же послышался Аркашин голос:

– Отпустите ее!

Катю действительно отпустили. Но только для того, чтобы заняться наглецом, который посмел запустить камнем в драгоценную машину.

– Убью! – испуганно взвизгнул Аркаша.

Он держал в руке второй камень, но наглецов это не напугало. Они бросились к нему, Аркаша запустил в них камнем, который пролетел в метре от Кати, с гулким стуком чиркнув по крыше машины.

Длинноносый ударил Аркашу кулаком в лицо, он упал, и ему тут же добавили ногой. Катя выскочила на трассу, замахала руками. Может, остановится какая-нибудь машина, может, заступятся за Аркашу.

Одна машина прошла мимо, даже не замедлив ход, вслед за ней проскочила другая. Но Аркаша поднялся сам. И стал убежать, на ходу поднимая с земли очередной камень.

– Стоять!

Длинноносый бросился за ним, но Аркаша подобрал еще один булыжник. И развернулся к противнику лицом. Драться он не умел, но руками махал с отчаянием обреченного. А в руках булыжники, под которые длинноносый и попал. Один удар по морде, другой – этого хватило, чтобы враг отступил. Досталось и его дружку. Аркаша запустил в него оба камня, один из них попал хулигану в голову. Аркаша снова наклонился, на этот раз в руках у него появилась палка.

– Убью! – дико заорал он.

– Да он бешеный! – запаниковал круглолицый.

– Ну его в пень! – подхватил дружок.

Они вернулись к машине, пригрозили расправой всем, в том числе и Кате. На этом все и закончилось. Противник трусливо бежал. Катя смотрела вслед отъезжающей «девятке» и не могла поверить, что поле боя осталось за Аркашей.

Но победа досталась ему серьезной ценой. Нос расквашен, весь свитер в крови, на щеке царапина, оба глаза подбиты. И очки куда-то делись. Но Аркаша улыбался, торжествующе глядя на Катю. Она кивнула, подбадривая его. Не важно, умел он драться или нет, главное, что победа осталась за ним. И Катя не досталась насильникам.

– А где очки? – спросила она.

– Да где-то там.

Очки он нашел быстро. Вернее, то, что от них осталось. Одно стекло выбито, другое треснуто, и сама оправа сломана.

– Ничего страшного! – Он гордо расправил плечи, ликующе глядя на Катю.

Она хотела сказать «спасибо», но язык почему-то не повернулся. Хорошо, догадалась кивнуть в знак благодарности. И еще она позволила парню проводить себя домой. Но на прощание не поцеловала, а ведь он так надеялся.

* * *

Новые инструменты вдохнули в группу новую жизнь. Совсем иное звучание, совсем другой эффект. Девчонки восхищались, пацаны завидовали – именно так все и должно было быть. Вечер удался, и в этом была Иркина заслуга. Сначала она выбила у отца обещание, а затем и все остальное. Причем по полному списку.

– Слушай, откуда ты такая взялась? – Паша обнял ее за талию, прижал к себе.

– Я не взялась, я была, – улыбнулась она, не думая отстраняться.

Пацаны уносили аппаратуру со сцены напрямик в тир, в каморку за кулисами никто не заглядывал. И никто не видел, как Паша зажал Ирку в угол.

– Еще не была, – качнул он головой, обволакивая ее взглядом.

– А надо?

– Успех нужно отпраздновать.

Он задрал подол ее платья и пальцами обжал пышные, но тугие «булки».

– Прямо сейчас?

– Ты же дашь мне... автограф?

– Это теперь так называется? – закрывая глаза, проговорила она.

Он стянул с нее колготки вместе с трусиками, она покорно переступила ногами, помогая избавиться от одежды. И так же покорно подняла ногу, чтобы он смог пристроиться.

Он уже готов был повернуть ключ на старт, когда дверь открылась. И послышался женский голос:

– Маслов!

К счастью, директриса не стала заходить в каморку. А его выдуло оттуда.

– Да, Оксана Васильевна!

– Аппаратуру всю занесли? – строго спросила директор школы.

Немолодая она уже, за сорок, но выглядела для своих лет неплохо. Потому что старательно следила за собой.

– Чуть-чуть осталось.

– Кто там у тебя? – Она заглянула ему за спину, но обходить не стала.

– Никого.

– Давай закрывай там, если никого. И ключ от тира мне в кабинет.

– Но мы хотели немного порепетировать.

– Завтра! – отрезала директор.

И уже на ходу добавила, что в распоряжении у Паши всего десять минут. Почувствовала она что-то, поэтому спешила очистить школу от возбужденных элементов. Школу, которую Паша мог превратить в притон.

Ирка стояла на том же месте, но уже в колготках. Платье оправлено, волосы приглажены. А в глазах ожидание.

– У нас всего десять минут, – сказал он, закрывая за собой дверь.

На Пашу нахлынул азарт. С Оксаной Васильевной шутки плохи: ей ничего не стоит испортить им жизнь. Но пошутить охота. А заодно неплохо бы испытать себя. Успеет он за десять минут и с Ирккой разобраться, и ключи директрисе занести?

Но Ирка отказалась от эксперимента. И оттолкнула его.

– Не надо!

- А как же праздник?
- Без шампанского?
- Ну, извини!
- У меня есть. На даче... – тихо сказала она.

Паша уложился в отпущенные десять минут. Еще столько же ушло на то, чтобы поймать частника. Еще четверть часа они добирались до места.

Дачный участок находился в обычном садовом товариществе, но размер дома впечатлял. Двухэтажный, за высоким забором, на окнах решетки, дверь стальная. Внутри было холодно, но Ирка занялась камином.

Паша обошел дом, спустился в каминный зал, оседлал кресло-качалку, покрытое оленьей шкурой. Ирка накрыла его пледом.

– А на колени? – Он похлопал себя по бедрам.

– Ты себя так ведешь, как будто я тебе какая-то там. – Она сказала это с упреком, но при этом заигрывающе улыбнулась.

– А какая ты?

– Я – особенная!

– Так я и не спорю, – пожал он плечами.

Ирка только казалась простой. Вроде бы сама на шею бросилась, а уже месяц прошел с тех пор, а он так ни разу ее и не прислонил. Сколько раз в угол зажимал, но трусы смог снять только сегодня. А дальше застопорилось, и не факт, что будет движуха. Вроде бы они одни в доме, где столько крепких на вид кроватей, но позволит ли она уложить себя на обе лопатки? Уже вот заднюю включила. Не такая она...

Не простая она. Потому и смогла выпросить место у микрофона. И спела, надо сказать, очень даже неплохо. Если зазналась, то движухи точно не будет.

– Если ты думаешь, что со мной можно просто так... – Ирка нарочно потянула паузу.

Действительно, зачем договаривать, если все и так ясно? Нельзя с ней как с дешевкой, потому что папа у нее серьезный человек. И у Паши могут возникнуть крупные неприятности, если он вдруг поматросит Ирку и бросит. Он это, в общем-то, понимал, потому и не форсировал события. Потому останавливался перед теми робкими преградами, которые она создавала. С другой бы уже давно напролом пошел, а с Ирккой боязно. Хотя и не страшно. Может, и не будет ничего. Может, у нее таких, как он, был вагон и маленькая тележка. Был и еще будет. На всех одного отца не хватит.

– Может, тебе жениться на мне придется.

– Бум! – Паша закатил глаза.

Похоже, напролом пошла сама Ирка. Сначала его на дачу заманила, затем перед фактом поставила.

– Что, страшно стало? – засмеялась она.

– Страшно?... А ты думаешь, я успел испугаться? – хмыкнул он.

– Не знаю, – лукаво улыбнулась она.

И вдруг оказалась у него на коленях. Причем села, обжав его ноги бедрами. А колготок на ней уже не было. Может, и все остальное уже сняла.

– И как это понимать? – спросил он.

– Ты мог бы накрыть меня пледом. – С каждым произнесенным словом туман в ее глазах становился гуще.

– Ну, это я могу.

Он укрыл пледом и ее, и себя. Это не отняло у него много сил, но вид он сделал такой, будто выдохся до изнеможения. Надо было как-то объяснить ей отсутствие страстного порыва. Но Ирка ничего не хотела понимать.

– А дальше что? – спросила она.

– Согреваемся.

– А говоришь, что не страшно, – засмеялась она.

– Уже страшно, – кивнул он.

Ну ее к черту, такую любовь, от которой больше проблем, чем удовольствия. Все что нужно, Паша от Ирки уже получил. Шефская помощь оказана, назад хода нет, а сунуть-плюнуть можно с кем угодно. Янка Осетрова напрашивается, Ленка Боярцева опять же. А скоро они на городской уровень выйдут, в клубе будут выступать. Договоренностей пока нет, но Паша чувствует свой потенциал. Очень скоро у него отбоя от поклонниц не будет. А там, где фанатки, там и секс. И, главное, свободная любовь.

– Я тебя напугала?

– Ты меня напугала, – честно признался он.

– Я думала, ты смелый.

– Я тоже так думал.

– А ты не бойся... Никто тебя не заставляет... – Ирка нетерпеливо заерзала на нем.

– Слушай, мне уже домой пора.

– Я же говорю, не надо на мне жениться.

Ей хватило одной руки, чтобы вцепиться в него будто клещами. А второй она умудрилась расстегнуть «молнию» на его джинсах.

– Рано еще мне.

– Так никто и не торопит...

За одной молнией должна была последовать другая, но Паша не чувствовал себя Посейдоном. Слишком уж вялым был его трезубец...

– А кто-то брызги обещал, – усмехнулась Ирка.

– А кто-то шампанское.

– Шампанское потом...

Она ерзала на нем с таким ожесточением, что даже мертвый почувствовал бы прилив сил. Паша понял, что сейчас произойдет контакт. Надо было как-то выходить из положения. Он резко откинул туловище назад, смещая центр тяжести, кресло пришло в движение.

– Ты что делаешь? – разволновалась Ирка.

Но Паша повторил маневр, и на этот раз кресло перевернулось, сбросив на пол их обоих. Его голова оказалась у Ирки под юбкой.

Все бы ничего, но именно в этот момент в зал кто-то вошел.

– И что это такое? – возмущенно спросил мужской голос.

Паша не имел дел с ее отцом – не видел его и не слышал. Но вряд ли это был он. Голос звонкий, молодой. А еще засмеялась какая-то девчонка. Можно сказать, хохотом зашлась.

Паша столкнулся с собой Ирку и увидел парня лет двадцати пяти. Он обнимал юную, но уже прожженную на вид блондинку с ярко накрашенными губами. А у Паши «ворота» нараспашку – аж до самого «гаража».

Но все, что естественно – не безобразно. И стыдно должно быть тем, кто подсматривает. Ну занимался Паша любовью с девушкой, и что?

– Мы вам не помешали? – спросил парень.

– Помешали. – Паша заправлялся неторопливо.

И плевать, что там видит блондинка. С размером у него все в порядке, и не стесняться ему надо, а гордиться.

– А то бы мы могли присоединиться! – Блондинка оторвала взгляд от зрелища лишь после того, как оно исчезло из вида.

Парень, не переставая улыбаться, с силой тряхнул ее. Ноги у девушки длинные, тонкие, туфли на шпильке – неудивительно, что колени у нее подогнулись и она едва не слетела с каблуков.

– Где ты откопал эту шлюху? – буркнула Ирка, недовольно глянув на парня.

– Кто шлюха?! – взвилась блондинка.

– Заткнись! – На этот раз парень толкнул ее бедром.

И снова ей пришлось бороться за равновесие.

– Паша, познакомься, это мой старший брат, – сказала Ирка.

– Вы тут сами разбирайтесь, ладно?

Паша уже давно понял, что пора уходить. Но только сейчас он мог это сделать.

Но Алик перекрыл ему путь. Роста он чуть выше среднего, плотного телосложения, плечи покатые, руки сильные. Черты лица у него крупные, но не резкие, без выступов. Будто стесанные, а потом ошлифованные. Нос у него вроде бы прямой, хрящ не разбитый, но ощущение такое, что боксом он занимался долго и всерьез.

– Ты куда?

– На Кудыкину гору, – останавливаясь, сказал Паша.

Он тоже занимался боксом. С двенадцати лет. До тринадцати. И карате одно время увлекался, но также чуть больше года. Да и не хотелось устраивать драку в доме. Он же не варвар.

– Там тебя и похороним, – сказал Алик.

Он был в кожаном пиджаке поверх шелковой рубахи, из распахнутого ворота которой выглядывала золотая цепь.

– А хоронилка выросла?

– У тебя больше, – назло Алику хихикнула блондинка.

И задорно подмигнула Паше.

– Вот вас вдвоем и похороним, – зыркнул на нее Алик.

– Мечтатель, – фыркнул Паша.

Он попытался обойти парня, но тот сместился в сторону. И одновременно с этим ударил.

Никогда и никто не бил Пашу в живот с такой силой, как это сделал Алик. Острая боль снизу вверх ударила в голову, прострелив до самой макушки.

Паша схватился за живот, испытывая непреодолимое желание опуститься на пол и скрючиться. Он и сам не понял, как удержался на ногах.

– Алик, ты с ума сошел? – Ирка подскочила к нему, обхватила, затолкала на диван.

– Еще не сошел. Еще не убил, – хмыкнул Алик.

– Только попробуй!

– Ты попробовала?

– Не было ничего!

– Не оправдывайся, – качнул головой Паша.

Он кое-как справился с болью, перевел дыхание, с трудом, но прочно встал на ноги.

– Зачем оправдываться, если не было ничего? – сказала Ирка.

– Ты слышал? – Паша пристально смотрел Алику в глаза, медленно приближаясь к нему.

– Не было? – с усмешкой спросил тот.

– Не было.

Паша кивнул вяло, а ударил резко. Но, увы, Алик был готов к этому. Он отбил руку и кулаком врезал Паше в подбородок – потолок вдруг поменялся местами с полом, и кто-то выключил свет.

Острый запах нашатыря ударил в нос, свет зажегся снова. Перед глазами всплыл потолок, на фоне которого маячило Иркино лицо.

– Где эта гнида? – озираясь, спросил Паша.

Алика нигде не было видно. Ни его, ни блондинки. В доме тишина, только в ушах звенит.

– Тсс! – Ирка приложила палец к губам и взглядом показала на дверь.

– Где эта гнида? – еще громче спросил он.

– Да тихо ты, уходят они.

Паша заметил кочергу, стоящую возле камина. Он поднялся, его повело в сторону, пришлось поднапрячься, чтобы удержать равновесие. Он взял кочергу, рванул в прихожую, там увидел безразмерные калоши, сунул в них ноги, выскочил во двор.

Там никого не было, но Паша услышал шум двигателя за воротами. Пока он открывал калитку и выходил на улицу, «Волга» успела отъехать. Паша запустил в нее кочергой, но не добросил.

– Зачем? – возмущенно спросила Ирка.

– Думаешь, я его боюсь?

– Машина совсем новая.

– И что?

– Алик из-за машины тебя точно убьет!

– А из-за тебя – не точно? – усмехнулся Паша.

– Мог бы и убить. Если бы я не заступилась, – Ирка смотрела на него без тени юмора.

– А ты заступилась?

– Ну, ты же живой.

– Не стал бы он убивать, – фыркнул Паша.

Этот Алик, может, и придурок, но не сумасшедший. И блондинка с ним какая-то левая, такая запросто могла сдать его ментам. Тогда и ее нужно мочить. А из-за чего? Ну трахнул Паша Ирку, и что? Не он первый, не он последний.

– А вдруг? – Ирка смотрела на него, будто пытаясь заморозить.

Нагнать страху, заморочить голову, подчинить себе.

– Не страшно, – качнул головой он.

– Совсем-совсем?

Паша нахмурился. Похоже, Ирка собиралась шантажировать его своим братом, вернее, страхом перед ним.

– Не веришь. Ну хорошо... Больше ты с нами не поешь! – резко сказал он.

– Как это не пою? – опешила она.

– А вот так... И не ходи больше за мной!

– Паша! – истерично взвизгнула она.

– Все!

Он щелкнул пальцами в знак прощания и побрел к шоссе по дачной улице. Далеко идти, не вопрос, и денег на такси нет, но ничего, он и пешком доберется. Лишь бы только не оставаться с этой дурой.

Он уже был у ворот дачного поселка, когда осознал, в чем идет. Калоши у него на ногах, а туфли остались в доме. Пришлось возвращаться.

Калитка была открыта, дверь в дом также легко поддалась. В каминном зале рыдала Ирка, всхлипывая с интервалом в две-три секунды. Паша не удержался, заглянул в комнату. Она лежала на диване животом вниз, руками придерживая подушку на голове. Спина ее сотрясалась в такт рыданиям. Паша пожал плечами. Вроде и жаль девчонку, но не было желания брать обязательства перед ней. А раз так, ему нужно уходить.

Но все равно жаль, подумал он, закрывая за собой дверь.

Глава 3

Парты, столы, стулья переставили заново, уплотнили захламленное пространство, расширили одну свободную площадку и создали другую – в дальнем углу тира. Но в этот закуток посторонний попасть не мог. Даже директриса не знала об этой «гримерке». Не знала и не искала ее.

Но Ленка Боярцева могла накапать Оксане Васильевне. Паша старался, чтобы этого не случилось. Старался для себя. Ленка сегодня на редкость хороша в своей плиссированной юбочке, под которую так хотелось заглянуть.

Паша заманил девчонку в ловушку, завалил на кушетку, одна рука под юбкой, другая под чашечкой лифчика. Ленка лежит с закрытыми глазами, молчит, пытаясь понять, насколько ей нравится весь этот процесс, готова она терпеть наглые порывы или уже пора бить тревогу. Тут главное, не останавливаться, но и форсировать тоже нельзя. Ласки должны быть уверенными, но пока что осторожными. Вот когда Ленка распалится...

Она учащенно задыхалась, на губах появилась блуждающая улыбка, тело напряглось для того, чтобы расслабиться. Ленка уже созрела до встречных движений, когда вдруг послышался шум. Кто-то подошел к доске, которая загораживала проход, сдвинул ее в сторону. Пацаны бы подали знак, а тут кто-то ломился без предупреждения. Что, если директриса?

Ленка испуганно вскочила, одной рукой оправляя юбку, другой пытаясь застегнуть пуговицы на рубашке. За этим ее и застала Ирка.

– Что здесь делает эта шалава? – грубо спросила она.

– Ты кто такая? – грубо спросил Паша.

– Сама шалава! – огрызнулась Ленка.

Она решила не выяснять отношения с Ирккой, но на обратном пути нарочно задела ее локтем. Проскользнула мимо и была такова.

– Какого хрена? – спросил Паша, недовольно глядя на Ирку.

– Репетировать надо, а не шлюх тут лапать!

– Мы репетировали, – он с усмешкой кивнул на кушетку. – А тебя никто не лапал.

– Я тебе не шлюха! – Ирка сделала движение, как будто собиралась топнуть ногой, но вместо этого нелепо тряхнула головой.

– Мне ты не шлюха, – кивнул он. – Мне ты вообще никто.

– Что я тебе плохого сделала? – психанула она.

– Ничего.

– Тогда почему?

– С кем хочу, с той и потому. – Он снова кивнул на кушетку.

– Устроил здесь притон!

– Не твое дело!

Паша вытолкнул Ирку, поставил доску на место. Нечего светить свою секретную гримерку. Если она еще секретная...

Он хотел спросить, как Ирка его нашла, но не успел.

– Я теперь здесь главная! – выпалила она.

– Не понял, – нахмурился он.

– Можешь сходить к Оксане Васильевне, она тебе скажет.

– Ты стала директором вместо нее?

– Нет, я директором вот здесь! – Ирка обвела рукой пространство вокруг себя.

– Директором тира?

– Директором ансамбля!

– Оксана Васильевна сказала? – Паша не хотел в это верить.

Возможно, Ирка и не врала. Поговорила с отцом, тот надавил на Прыгину – и вот результат.

– Пойди спроси!

– Спрошу.

– А ты можешь остаться художественным руководителем, – меняя гнев на милость, сказала Ирка.

– Это ты так решила?

– Это ты можешь так решить! – Она сделала страдальческое лицо и взяла его за руку.

– А иди ты знаешь куда?

Паша собрался уходить, пусть эта тупоголовая сучка бегают за ним, просит, умоляет. А он, так уж и быть, смилостивится над ней. Когда-нибудь.

Но уйти он не смог. К Ирке вдруг подошла Катя Капитонова. Красивая девчонка, каких много. Но сейчас Паша вдруг разглядел в ее лице загадочную черточку, ту самую изюминку, которая делает женщину неотразимой. В ее голубых глазах он заметил искорку, которая воспламеняет порох.

– Ты откуда здесь? – спросил он.

Пожав плечами, Катя взяла Ирку под руку. Дескать, за ней пришла. То ли защищать от всяких яких, то ли просто увести от греха подальше. Как будто Паша собирался избивать эту дуру.

– Тоже директором будешь?

Катя глянула на него с укором и недоумением. Что за дичь он тут несет? И вопросительно посмотрела на Ирку.

– Одного директора хватит, – сказала та.

– Может, ты петь будешь?

Паша говорил с сарказмом, но на Катю смотрел всерьез. Она бы очень хорошо смотрелась на сцене. Ее бы накрасить поярче, взбодрить, взъерошить, платье покороче, каблуки повыше. А потом в гримерку. Одной рукой снять трусики, другой лифчик. И смотреть, как она задыхается от возбуждения... Паша вдруг почувствовал толчок в паху. И сунул руку в карман, чтобы скрыть это проявление. Катя вроде бы ничего не заметила, но на губах появилась ироничная улыбка. Во всяком случае, так ему показалось.

– Петь буду только я! – отрезала Ирка, вопросительно глядя на его руку в кармане.

А вот она точно заметила. Еще подумает, что на нее среагировало.

– Микрофон тебе навстречу! – хмыкнул он.

– Я не против, – кивнула она, продолжая смотреть вниз.

– У вас тут нормально все? – спросила Катя.

– Мне нужна помощница, – с деловым видом сказала Ирка. – Пойдешь?

– Давай без глупостей! – Катя качнула головой.

И повернулась, чтобы уйти. Паша вдруг ощутил себя баржей на канатах у бурлаков. Катя направилась к дверям, и его потянуло за ней.

Но Катя остановилась, повернулась, внимательно посмотрела на Ирку, перевела взгляд на Пашу.

– А скрипач вам не нужен?

– А ты на скрипке играешь? – спросил он.

– На скрипке играет Аркаша.

– У нас вокально-инструментальный ансамбль, а не симфонический оркестр, – Паша мотнул головой.

– Понятно. – Катя вздохнула и снова повернулась к нему спиной.

А он так не хотел, чтобы она уходила.

– Ну хорошо, пусть приходит. Завтра, в четыре.

Но Катя не остановилась. Кивнула на ходу и скрылась из виду.

– Думаешь, скрипка нам нужна? – спросила Ирка.

Паша молча пожал плечами. Во-первых, он не определился, а во-вторых, не было желания обсуждать этот вопрос с ней. Кто она такая?

– Но думаешь?

– Чего ты ко мне пристала? – огрызнулся он.

– Ты думаешь, – кивнула Ирка, пристально глядя на него. – Потому что ты – художественный руководитель. И мы вместе будем принимать решения.

– Втроем, – хмыкнул он.

– Почему втроем?

– Ну ты же Катю в помощницы берешь. Ты, я и Катюка.

Да, он хотел, чтобы Катя была в одной с ним компании. Ради этого он даже готов был терпеть Ирку.

– Зачем она тебе? – Ирка с подозрением посмотрела на него.

– Ты предложила ей, а не я.

– На кушетку хочешь ее затащить?

– А если да, то что?

– У нее роман с Аркашей.

– Да ну! – Паша просто не мог в это поверить.

– А зачем она его к нам сватает?

– Сватает?

– Называй это как хочешь. Но Катюка все равно спит с Аркашей, а не с тобой.

– Спит?! С Аркашей?! – Вот в это Паша точно поверить не мог.

Катя – звезда на небе, Аркаша – червяк в земле. Перхоть заплечная. Чмо болотное.

– Она мне говорила...

– Ага, ага!

– А я ей презервативы приносила.

– Ну, ну!

– Она мне спасибо сказала. За то, что натерли... Я ей потом со смазкой принесла. Сказала, что хорошо пошло, – Ирка говорила, глядя ему в глаза.

И голос ее не дрогнул, как это бывает, когда врут.

– Что пошло?

– Аркаша придет, спросишь. Может, он тебе расскажет, – усмехнулась Ирка.

– Ты идиотка!

Паша сам удивлялся себе. Четверть часа тому назад он и думать не хотел о Капитоновой, и вдруг уже ревность держит его за горло, не дает дышать. А Ирка не просто действует на нервы, она бесит. И чтобы не взорваться, Паша должен был спастись от нее бегством. На этот раз его никто не смог остановить.

* * *

Полы мыть не трудно. Особенно если они хорошо покрашены. Берешь тряпку, полощешь ее в ведре, выжимаешь, цепляешь на швабру и – вперед. Катя запросто могла бы вымыть весь класс одна, без чьей-либо помощи. Но так же примерно думал и Аркаша. Поэтому класс моет он, а она всего лишь наблюдает. И ждет, когда все закончится. Нельзя уходить раньше, чем завхоз примет работу.

Дверь распахнулась, Катя обернулась. Аркаша домывал пол, и Виктория Юрьевна могла дать «добро» уже сейчас. Но на пороге стояла Ирка.

– Поговорим? – строго спросила она.

И закрыла за собой дверь. Катя не удержалась и покрутила пальцем у виска. Что это на Ирку нашло? Неужели в самом деле возомнила себя директором?

Ирка стояла у окна в пустом коридоре. Стояла, опираясь задницей о подоконник, скрестив на груди руки.

– У тебя все дома? – спросила Катя.

– Тебе презервативы нужны? – ошарашила Ирка.

– Что?!

– Залетишь, потом жалеть будешь. – Ирка кивнула на закрытую дверь, за которой трудился Аркаша.

– Ты больная!

– А что здесь такого? Мы с Пашей каждый день. А чем вы с Аркашей хуже?

– Вы с Пашей можете хоть каждый час.

– Бывает и так.

– А у нас не бывает никак!

– А зачем ты Аркашу к нам в ансамбль устраиваешь?

– Он хочет.

– Вот я и говорю, он хочет, а ты даешь.

– Ты хотела со мной поссориться?

– Я хотела тебя предупредить.

– Ты со мной уже поссорилась.

– Да?

– Пошла вон!

Катя повернулась к бывшей подруге спиной и зашла в класс.

Аркаша вытянулся перед ней по стойке «смирно». И широко улыбнулся.

– Я все!

– И ты пошел!

Катя схватила сумку с учебниками и повернулась к двери. Все, пора убираться из этого дурдома, пока ей не пришили половую связь с завхозом. Объясняй потом, что пол деревянный...

* * *

Аркаша был похож на мотылька. Левой рукой он перебирал струны на скрипке, а правой – водил по ним смычком. Эта правая рука и напоминала крыло. А порхала она с такой скоростью, что Аркаша, казалось, вот-вот взлетит. Он действительно играл превосходно. «Полонез Огинского» в его исполнении – это что-то с чем-то. Этот очкарик один мог произвести впечатление на публику, больше, чем весь вокально-инструментальный ансамбль. Может, он потому и смог очаровать Катю. А она, в свою очередь, задалась вопросом: действительно, зачем ей спать со всем ансамблем, если можно лечь под одного Аркашу?

– Хорош! – Паша недовольно хлопнул в ладоши.

Скрипка заглохла, Аркаша опустил смычок.

– Ну как? – с затаенным восторгом спросил он.

– Мне понравилось, – кивнул Паша.

– Я мог бы играть с вами.

– Вряд ли.

– Я могу достать скрипку со звукозаписывателем...

– Дело не в этом. Дело в твоём отношении к жизни. Я, например, уверен, что ты девственник.

– При чем здесь это? – оторопел Аркаша.

– Девственник в музыкальной группе – все равно что баба на корабле. Яша, ты девственник?

– Я? – Батурский возмущенно ткнул себя в грудь. – Да ни в жизнь!

В том же духе ответили и все остальные пацаны. Ирки не было, а то бы и она открестилась от девственности. Тем более что, в отличие от некоторых, она бы не соврала.

– Ну, я тоже не девственник, – опустив голову, вздохнул Аркаша.

– Правая рука не в счет, – засмеялся Вася.

– Если это не Каткина рука, – усмехнулся Паша.

– Катю не трогай! – встрепенулся Аркаша.

– А то что? – Паша вплотную подошел к нему.

– Не надо, – стушевался скрипач.

– Почему не надо? Если у вас любовь, то надо... Или ты без любви?

– Что, без любви?

– Любишь Катю?

– Люблю... Но это мое личное дело!

– Если любишь, то чего стесняться? Спал с ней?

– Да, я люблю Катю, – пробормотал Аркаша.

Даже опустив голову, нельзя коснуться лбом груди, но ему едва это не удалось.

– И ты не девственник?

– Нет.

– И спал с Катей?

Аркаша вдруг поднял голову и с вызовом глянул на Пашу.

– А что здесь такого?

– Ты с ней спал?

– А если я ее люблю?

– Это ты сейчас хвастаешься, что спал с Катей? – хищно сощурился Паша.

– Я не хвастаюсь, – Аркаша затравленно глянул на него.

– Ты ведешь себя как последнее чмо!

– Но я не спал с ней! – Аркаша мотнул головой.

– Если ты сейчас не исчезнешь, я выблю тебе все четыре глаза. И сломаю скрипку.

– Не надо скрипку! – Аркаша попятился к двери, прижимая к груди инструмент.

– Считаю до трех.

– Не надо скрипку, – повторил Аркаша.

Но шаг не ускорил. Паша досчитал до трех, а очкарик был еще только на половине пути. Но бить его не стали. Пусть проваливает.

* * *

Волк поджидал Красную Шапочку по дороге к бабушке. Катя не относил бабушке пирожки, но была у нее в гостях. От нее и возвращалась домой. А на пути вдруг вырос Паша Маслов. Но так ведь она не Красная Шапочка, и он не Серый Волк.

– Привет!

Паша перегородил дорогу, и ей пришлось остановиться. Время позднее, горят фонари, но людей на улице не видно. Все по домам сидят. И, возможно, за ними наблюдают. Даже у ночной улицы есть глаза и уши. А к утру вырастут и злые языки. Но Кате почему-то все равно. Паша ей всего лишь нравился, крутить с ним любовь она не собиралась, но если вдруг скажут, что их видели вместе, не страшно. Он парень видный, быть его девушкой не стыдно. А если скажут, что у них был секс, тоже не беда. В конце концов, ей уже семнадцать. И на дворе не Средневековье.

- Тебе чего?
- Ты почему одна?
- Мне тут недалеко. – Катя кивнула в сторону своего дома.
- Почему Аркаша не провожает?
- А что Аркаша? – напряглась Катя.

Ирка дичь какую-то несла, а тут вдруг и Паша с ней на одной волне.

- У вас же любовь, – едко усмехнулся Паша.

А вот с Аркашей крутить любовь она точно не собиралась. Потому и стало за себя обидно.

- У нас дружба.

- Да?

- И это не твое дело! – выпалила Катя.

Ирка была ее лучшей подругой, столько лет не разлей вода, но Катю это не остановило. Она без всякого сожаления послала ее к черту и мириться не собирается. И Пашу она пошлет лесом, раз он так напрашивается. Надо будет, и матом обложит.

- Аркаша не говорил, что занимался с тобой дружбой, – усмехнулся Паша.

- Что?!

- Он сказал, что занимался с тобой любовью.

- Аркаша не мог этого сказать!

- Не мог, не мог, а потом раз – и смог. И с тобой тоже смог?

– Хочешь знать, сможет ли он с тобой?.. – разозлилась Катя. – Так это не по адресу! У нас ничего не было!

- Ты в этом уверена?

- Я что, перед тобой оправдываться должна?

- Должна, – не сводя с нее глаз, с подавляющей уверенностью в себе кивнул он.

- С чего это?

- Пацаны думают, что у вас было. И я могу сказать, что нет.

- Мне все равно, что там и кто думает!

- Не все равно. И мы об это знаем.

- Не было у нас ничего!

- Хочешь, я набью Аркаше морду?

- Не надо его трогать!

- Он тебя опозорил.

Катя едва не закрипела зубами с досады. Завтра вся школа будет говорить о том, что у них с Аркашей был секс. И все будут коситься на нее, усмехаться себе под нос. Она все это понимала, поэтому не могла уже послать Пашу к чертям собачьим. Хотелось, но не могла. С ним нужно было договариваться.

- Я сказал пацанам, чтобы они молчали.

- Ирка не смолчит.

- Ирке тоже скажу.

- А она тебя послушается?

- Не знаю.

- Ну да, она же директор.

- Дело не в том.

- А в чем? В том, что у вас был секс?

- Кто тебе сказал? – спросил Паша, спокойно глядя на нее.

- Она сказала... И вообще, я не хочу об этом говорить.

- Я хочу.

Паша вдруг взял ее под руку и повел к дому. Катя вырвала руку, но не остановилась. Хочет проводить, пожалуйста.

Но Паша свернул чуть раньше, чем требовалось. И Катя, не отдавая себе отчета, последовала за ним.

– Вечер хороший, – сказал он.

– Неплохой, – кивнула она.

Днем уже тепло, а по ночам еще прохладно. Но Катя взяла с собой кофту, она была сейчас как нельзя кстати. Тепло в ней. А если Паша еще и обнимет ее...

Она остановилась как вкопанная. С чего это вдруг на нее напали такие мысли? Может, потому что они шли к Змейке, к речушке, которая извивалась на дне оврага? Они уже прошли половину проулка, прежде чем Катя спохватилась:

– Куда ты меня ведешь?

– Домой провожаю. – Паша повернулся к ней, посмотрел в глаза.

Переулок узкий – машина не проедет. Слева дом, справа дом, но стены глухие, без окон.

– Рано свернул.

– Куда ты свернула, туда и я.

– Ты свернул.

– Да?.. Может, это судьба? – спросил Паша.

Катя вдруг поняла, что его лицо медленно приближается. И как это ни странно, ей не хотелось отступить.

– Какая судьба?

– Тихо здесь, спокойно. – Он был все ближе и ближе.

– И что?

Сначала она почувствовала Пашино дыхание, а затем, не успев опомниться, вкус его губ. Кровь у нее вскипела, внизу живота запульсировала горячая тяжесть. Это было то самое волнение, которое охватило ее в танце с Аркашей. Паша тогда пел, она попала под впечатление, Аркаша же всего лишь воспользовался моментом. Но то брожение чувств не шло ни в какое сравнение с волной, которая нахлынула на нее сейчас. Ее подхватило, понесло на рифы. Все это могло привести к катастрофе. Мало сопротивляться, надо было останавливать натиск стихии.

Кате хватило и душевных, и физических сил, чтобы оттолкнуть Пашу.

– Ты что делаешь?

– Сам не понял.

Он смотрел с подкупающе искренним удивлением. Но Катя ему не поверила.

– Я все поняла!.. – всплеснула она руками. – Если можно Аркаше, то можно и тебе.

– Ему нельзя!

– И ему нельзя! И тебе нельзя!

– И не было у вас ничего.

– И с тобой не будет!

Катя шагнула к Паше с таким видом, как будто собиралась броситься ему на шею, и с силой толкнула его в грудь. И пока он восстанавливал равновесие, набрала скорость.

Догнать ее Паша смог только на улице, но Катя пригрозила ему, что закричит. И он вынужден был отступить.

Глава 4

Женщина может скрыть свои мысли, но не страстное влечение. Она может мотать головой, звать на помощь, но ее тело живет своей жизнью, оно тянется к мужчине, дрожит и вибрирует от возбуждения... И Катю залихорадило от поцелуя, Паша ощутил всю силу ее желания. Он был уверен, что Катя хочет его. Но почему она до сих пор избегает встречи?

Катя должна вешаться ему на шею, а она шла по коридору, не обращая на него внимания. И шла не одна, а с подружками. Паша подкараулил ее, пошел наперерез, но Катя предостерегающе качнула головой. И угрожающе усмехнулась. Она могла поднять его на смех, и обязательно это сделает, если Паша не остановится. Он правильно все понял, поэтому отступил.

Катя прошла мимо, теряя к нему интерес. А он не удержался и проводил ее взглядом. Эти светло-русые волосы, собранные в тугую косу, этот тонкий стан... Паша смотрел на нее и удивлялся, как можно было столько лет не замечать это чудо?

– Глаза не сломай! – с усмешкой сказала Ирка.

Паша скривился. Ее здесь только не хватало.

– Чего тебе?

Прическа у нее свежая, косметика в полный обвес, блузка с вырезом, короткая юбка, черные лосины. И надо сказать, это был ее стиль. Выглядела она довольно-таки неплохо. Даже сексуально. Только Паше до лампочки.

– Репетиция сегодня.

– Без сопливых знаем, – поморщился он.

– Можно и повежливей. – Она попыталась, но не смогла скрыть обиду.

– Можно и не доставать.

– Катька терпеть тебя не может.

– Ну да.

– Она сказала, что ты голубой, – усмехнулась Ирка.

– Что?! – Паша едва сдержался, чтобы не наорать на нее.

– Ну, не мне сказала...

– Знаешь, ты кто?

– Не знаю. Но ты мне скажешь, – не моргнув глазом, сказала она. – На репетиции.

– Да пошла ты! – Паша махнул на нее рукой, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Пойдешь ты!

– Чего?

– Можешь остаться без ансамбля!

– Иди в пень, дура!

Паша размахнулся, как будто хотел влупить Ирке пощечину. На этот раз она не смогла сохранить невозмутимость и в страхе зажмурилась. А он всего лишь сжал кулак над ее головой, как будто муху поймал. И когда она открыла глаза, разжал пятерню. И усмехнулся, как будто муха упала ей на голову.

– Дура! – повторил он.

Повернулся к ней спиной и зашагал прочь.

– Голубой! – донеслось вслед.

Паша понимал, что это провокация. Никак нельзя было оборачиваться и тем более останавливаться. Но возмущение нарастало с каждым шагом в геометрической прогрессии. Какой же он голубой? И если Катя так сказала, то это Ирка ей наплела.

В конце концов Паша остановился и обернулся, но Ирка уже исчезла в толпе.

* * *

Аркаша отсутствовал несколько дней, а сегодня появился. Справку из поликлиники вроде бы представил. А может, и нет. Катя не собиралась уточнять. Во-первых, она не староста, а во-вторых, плевать ей на Аркашу. Она даже не повернула к нему головы, когда он появился рядом. Занятия закончились, пора по домам.

– Можно тебя проводить? – спросил он.

– Не знаю, – пожала она плечами.

– А вдруг на тебя снова нападут?

– Кто? Паша?

– Почему Паша?

– Ну, он должен сейчас подойти.

Паша вороном кружил над ее головой. Добыча ему нужна, и Катя это понимала. Но пусть не надеется, ничего ему не обломится. Она знала, что ему нужно, но все равно приятно думать о нем. Все эти дни она пребывала в приподнятом настроении. И в ожидании. Рано или поздно Паша спикирует ей на голову, и как тогда отбиваться? Да и нужно ли? Он такой волнующий...

– Зачем?

– Роман у нас.

– Да?

– И любовь... Спасибо тебе.

– Мне?

– Ну, ты же сказал ему, что спал со мной. Паша решил проверить.

– Я сказал?! – Аркаша споткнулся на ровном месте.

Но Катя останавливаться не собиралась. Если ему стыдно, пусть проваливает. Если нет, то тем более, он ей даром такой не нужен.

– Я не говорю! – догоняя ее, сказал Аркаша.

– Но Паша все равно проверил, – усмехнулась она.

– Как?

– А так, проверил!.. – Катя остановилась, повернулась к Аркаше и вонзила в него взгляд. – Можешь рассказать всем, как... Трепач!

– Я не трепач, – опустив голову, буркнул он.

– В глаза смотри! – потребовала она.

Он поднял голову, но взгляд удержать не смог.

– И ничего не скажу.

– Ты уже все сказал!

Катя поняла, что Аркаша врет. Попала вожжа под хвост на радостях, вот и ляпнул, не подумав. Или Паша вырвал у него слово. В любом случае им больше не по пути.

– Больше ко мне никогда не подходи!

Катя продолжила путь, Аркаша остался смотреть ей вслед. Пусть провожает ее взглядом, она не против. Но только пусть попробует приблизиться.

Она уже свернула на свою улицу, когда ее кто-то нагнал. Она обернулась, чтобы выстрелить взглядом в Аркашу, но увидела Пашу. Все-таки спикировал.

– Отвали!

Катя грубила, но только лишь для того, чтобы скрыть ликование.

– Ты с голубыми не гуляешь? – язвительно спросил он.

– Чего?! – Катя остановилась, недоуменно глянула на него.

Остановился и он.

– Голубые не пристают, да?

- Кто голубой?
- Ты сказала, что я. – Паша пытливо смотрел на нее.
- Я не говорила!
- Ирка сказала.
- Наврала твоя Ирка!
- Да, я так и подумал, – усмехнулся он.
- Но сказал, – усмехнулась Катя.

В прошлый раз Паша наябедничал на Аркашу, в этот раз – на Ирку. Может, с ним действительно что-то не так?

- Надо же выяснить.
- А ты что, на самом деле?..

Паша нахмурился, его насторожило ехидство, с которым прозвучал ее незаконченный вопрос.

- Что на самом деле?
- Ты какой-то не такой.
- Ты дура? – вспыхнул Паша.
- Что, за живое задело?

Он приложил пальцы к своему подбородку и закрыл глаза, как это делают, когда пытаются привести себя в чувство. И за подбородок себя ущипнул.

Катя невольно залюбовалась им. Глаза у него были закрыты, поэтому она могла позволить себе такую слабость.

- Я назвал тебя дурой? – спросил он, распахнув глаза.
- У тебя еще и склероз?
- Да, – улыбнулся он. – Но я вспомнил, что у меня есть доказательства.

Он хлопнул по боковому карману пиджака.

- Доказательства чего?
- Справка о том, что я не голубой. Не веришь? – Он пронзительно смотрел на Катю. И так ей стало интересно.
- Покажи!
- Не здесь.

Он взял ее за руку, и она, заинтригованная, потянулась за ним.

На этот раз Катя очнулась у самого моста через овраг. Даже не заметила, как они свернули в переулок.

Она спохватилась, но не остановилась, и позволила Паше увлечь себя под мост, спустилась с ним к Змейке по крутой тропинке – через лопухи, чертополох.

- Ты привел меня сюда, чтобы показать справку? – возмущенно спросила она.
- Я тебя не вел, ты сама шла, – сказал он.
- Ну, если у тебя справка из дурдома, то да.
- Нет никакой справки, – улыбнулся он, не сводя с нее глаз.
- Обманул?

– Обман – это когда нет доказательств. А у меня есть. И ты их получишь без всякой справки.

- Да?
- Голубые не целуются с девушками, – сказал Паша, приближая к ней лицо.
- Не знаю.

Катя подалась назад, но при этом закрыла глаза так, как будто Паша ее уже поцеловал.

Он обвил рукой ее талию, не позволяя вырываться, и поцеловал в губы. Маленькая Змейка вдруг превратилась в большую бурную реку, Катя оказалась в самом центре течения. Ее крутило как щепку, жаркие водовороты тянули в глубину, а барахтаться она не могла. Потому и

тонула в Пашиных объятиях. А он ее не шадил. Одной рукой он мял ее сзади, другой забрался под бюстгальтер. Катя и хотела, да не могла его оттолкнуть. И губы не могла уберечь от сладкого плена.

А Паша разошелся не на шутку. Он прижал ее к дереву с наклоненным стволом, задрал подол платья. И вдруг стал стаскивать трусики. Катя осознавала, что это перебор, но в руках не было сил, чтобы толкнуть. И сказать она ничего не могла. В голове шумело, перед глазами плыло.

Дерево твердое, неудобное, но Катя не думала об этом, пока в спину что-то не впилося. То ли змея укусила, то ли какой-то острый сучок наколол. Боль прострелила сознание, импульсом прошла через мышцы. Катя оттолкнула Пашу, оторвалась от дерева, глянула вниз. Да, это был всего лишь сучок. И Паша едва не уложил ее на него животом. Обнял, если не сказать схватил, ее сзади, подтолкнул к дереву. Но Катя уже пришла в чувство.

– Все равно голубой!

Мало того, она умудрилась отрезвить и его.

– Что?! – встрепенулся он.

– Я пошутила, – отряхивая юбку, сказала она.

Он, конечно, еще тот придурок, но ссориться с ним совсем не хотелось. В конце концов, она тоже хороша.

– Больше так не шути.

– Не знаю, – качнула головой Катя.

– Что ты не знаешь? – Он настороженно смотрел на нее.

– Эти твои волосы...

Она с удовольствием провела рукой по его вьющимся патлам. Густые, мягкие, теплые.

– Я музыкант.

– Ты самый лучший музыкант, – неожиданно для себя сказала она.

И так вдруг захотелось схватить его рукой за шею, притянуть к себе и поцеловать в губы. Но Катя не владела инициативой даже когда находилась в его объятиях, в безвыходном для себя положении, и сейчас она всего лишь ведомая.

– Тебе нравится?

Он сам приблизил к ней губы.

– Нет! – отрезала она.

Выход из ситуации у нее был только один – спастись бегством. И она бросилась прочь от Паши. Догнал он ее только в проулке.

– Куда тебя понесло? – спросил он, схватив за руку.

– Домой.

– Что там делать в такую погоду?

– С мамой тебя познакомлю!

– Что? – Паша остановился с таким видом, как будто напоролся на невидимую стену.

– А что не так? – удивленно глянула на него Катя.

Не собиралась она знакомить его с мамой, так просто язык повернулся. А Паша воспринял все всерьез. И так испугался, будто на него атомную бомбу сбросили.

– Да нет, просто как-то неожиданно.

– Ты что, жениться на мне не собираешься? – спросила она, изображая обиду.

Это было нетрудно, потому что ей на самом деле стало обидно.

– Э-э... Это что, прикол такой?

– А ты что подумал? – засмеялась она.

– Ну и шутки у вас.

– У кого это у вас?

– Да Ирка...

- Ты женишься на ней?
- Да ни в жизнь! – Паша сделал испуганное лицо и перекрестился.
- Понятно, – вздохнула Катя.

За Ирку она не переживала, скорее наоборот. Но думала о себе. Замуж она не собиралась и планов насчет Паши не строила. После школы поступит в университет, получит диплом, встанет на ноги. Тогда можно и замуж... А эта школьная любовь – баловство одно. Но и все равно обидно. Паша и с Ирккой спал, и с другими, а ни на ком жениться не собирается. И Катя нужна ему для забавы.

- Что тебе понятно? – Паша испуганно смотрел на нее.
- Забудь!

Она вырвала руку и продолжила путь.

- Что забудь?

– Не было ничего там! – Она кивнула себе за спину, не оборачиваясь. – И никогда больше не будет.

- Да постой ты! – Паша снова взял ее за руку.

Катя не нашла ничего умнее, чем закричать во весь голос:

- Помогите!

Это сработало. Паша остановился, подался назад:

- Дура!

Катя кивнула, соглашаясь с ним. Она действительно вела себя как полная дура. Чуть ноги под ним не раздвинула. Но это в первый и последний раз. Больше она не позволит этому проходимцу застать себя врасплох.

* * *

Руки крест-накрест, нога на педали, барабанные палочки в работе.

- Тынц-тынц, тынц-тынц, бац-бац, бамс. Тынц-тынц, тынц-тынц, бамс-бамс...

Если переложить смысл этого ритма на слова, то выйдет примерно следующее: «тоска зеленая, делать нечего, налейте кто-нибудь стакан крепленого вина».

Вася уехал куда-то с родителями, Яшу чуть ли не силой затащили на факультатив по английскому, Рома вообще непонятно где. Всем наплевать на репетицию, даже у самого Паши душа к этому делу не лежит. И во всем виновата Ирка. Вот уж пустили козу в огород. И ведь ничего не поделаешь, потому что на ее стороне сама директриса. Она так доверяет Ирке, что вручила ей ключи от тира.

Ирка не заставила себя долго ждать. Подошла к нему, виляя бедрами.

- А где все остальные?

Паша ответил ей целой гирляндой ударов по всем барабанам.

- И что это значит?

- Я за всех.

- Ты можешь, – кивнула Ирка.

- Одного барабана не хватало.

- Какого?

- Тебя.

- Не поняла! – нахохлилась она.

- Барабанишь много, но не в тему... Зачем про голубого наплела? – спросил он.

- Я наплела?

- Катя ничего не говорила.

- Это она тебе сказала?

- Ей верю, тебе не верю.

Катя показала характер, но Паша уже не переживал. Эта лошадка позволила себя оседлать, значит, рано или поздно он сможет ее объездить. И тогда она перестанет брыкаться. Тогда он сможет с ней хоть каждый день. Пока не надоест... А Катя ему не надоест, в этом он был практически уверен. Катя не чета той напыщенной дуре, которая сейчас стояла перед ним.

– А почему ты ей веришь? Чем она лучше?

– Всем!

– Не лучше она! – На глазах у Ирки блеснули слезы.

Паша цокнул языком, глянув на нее. И ничего не сказал. Только бабской истерики ему не хватало.

– Ты просто присмотришься ко мне. – Ирка жалостливо глядела на него.

Паша набрал полные легкие воздуха и резко выдул через плотно сведенные губы. Вот что с ней делать? Убить и закопать? А вдруг это выход?

– Я даже раздеться могу. Ты еще не видел меня голой.

Паша пренебрежительно фыркнул. В принципе, стриптиз лучше, чем истерика, но лучше бы Ирка исчезла как вид.

Но она не исчезала. Зато куда-то подевалась блузка. Сняла Ирка и юбку.

Паша спохватился, глянул в проход. Вдруг сейчас Катя появится?

– Не бойся, двери закрыты, – сказала Ирка, снимая бюстгальтер.

Она осталась в одних трусиках и туфлях. Но Паша смотрел на нее глазами критически настроенного художника. Хотя на самом деле настроение стремительно поднималось. Что ни говори, а Ирка смотрелась очень даже. Грудь, бедра – все в лучшем виде. И живот не казался жирным. А еще она удачно приняла соблазняющую позу.

– Думаешь, мне это интересно?

– Чем я тебя не устраиваю?

– Я же голубой.

– Катька наврала!

– Врала ты! Но не соврала. Потому что я действительно какой-то не такой. Но только с тобой! Одевайся!

– Козел!

Ирка отыскала глазами лифчик, но только она его взяла, как с шумом распахнулась дверь. И в тир ворвался Алик. Паша потрясенно смотрел, как он приближается к нему. Ну как он мог довериться Ирке? Ясно же, что эта сцена с раздеванием была инсценировкой, ловушкой для лохов.

– Ты что здесь с моей сестренкой делал? – бешено вытаращив глаза, гаркнул Алик.

Паша понял, что нужно действовать, иначе хана. Он вскочил со стула, принял бойцовскую стойку и тут же ударил. Причем удачно.

Алик пропустил удар в подбородок и едва удержался на ногах.

– Это что было? – удивленно спросил он.

– Будет, когда тебя вперед ногами отсюда вынесут!

– Ты хоть понял, что сказал? – Алик покрутил головой, поиграл плечами.

Он готовился к сокрушительному броску, и Паша знал силу его удара. Ему стало не по себе, надо было искать выход из положения. Он, конечно, будет биться до последнего, но вдруг этого мало.

– Сейчас пацаны подойдут! – сказал он.

– Ты пугаешь меня своей кодлой? – возмущенно простонал Алик.

Ирка мотнула головой, предостерегающе глядя на Пашу. Она уже надела блузку и занималась юбкой, но это не мешало ей следить за тем, как развиваются события. Зря Паша сказал про своих ребят, на это Ирка и указывала.

– Если я своих пацанов сейчас приведу... – звонко хмыкнул Алик. – Но я не стану этого делать. Я сам тебя размажу.

Он приближался неторопливо, но ударил стремительно быстро. Кулак летел в лицо, но на полпути повернул назад. Это была «обманка», на которую Паша купился. Он среагировал на кулак, но прозевал ногу. А ударил Алик подло, в пах.

Острая боль скрутила Пашу в бараний рог, и тут же последовал еще один удар – в голову. Падая, Паша уронил стойку с тарелками и под их звон растянулся на полу.

Алик ударил его ногой в живот, но на этом не собирался останавливаться. Паша приготовился к очередному приступу скручивающей боли, но неожиданно получил сам Алик.

Ирка ударила брата по спине стулом с такой силой, что сломала деревянную ножку. Алик взвыл от боли, отвалил в сторону, держась за бок. А Ирка схватила Пашу за руку и потянула на себя. И он поддался этому порыву, вскочил, побежал вслед за ней. Слишком уж опасным казался ему Алик, чтобы не поддаться голосу, которым звал его за собой инстинкт самосохранения. А Ирку он всерьез воспринимать не мог. Потому что она, возможно, предложила ему игру, которую сама же вместе с братом и придумала.

Они выбежали из тира, Ирка закрыла за собой тяжелую железную дверь, трясущейся от волнения рукой вставила ключ в замочную скважину. Только она его провернула, как Алик дернул за ручку с внутренней стороны.

– Ирка, корова! – заорал он.

– Успокойся, придурок!

– Или ты откроешь, или я тут все переломаю!

– Что ты переломаешь? Там наше все!

– Открывай!

– Успокойся, открою!

Паша не знал что делать. Убегать позорно, да и некуда: все равно найдут и достанут. Драться с Аликом бессмысленно, потому как шансов нет. Можно, конечно, собрать толпу, но Алик тогда приведет своих. Потребуется разбор «один на один» и размажет Пашу на глазах у всех.

Алик замолчал. Может, действительно пытается успокоиться.

– По-дурацки как вышло, – чуть не плача, глядя в пол, сказала Ирка.

Она и мотнула головой и кивнула одновременно.

– Само собой? – усмехнулся Паша.

– Сама не знаю, что на меня нашло, – едва слышно сказала она.

– Само по себе нашло или договорились?

– С кем договорились? – встrepенулась она.

И потрясенно глянула на него.

– Ты думаешь, что все это нарочно?

– Я ничего не думаю. Я хочу, чтобы ты исчезла со своим братом!

– Прекрати истерику! – Ирка вдруг хлопнула в ладоши.

И этот хлопок подействовал на Пашу отвращающе. Действительно, он же мужчина, ему никак нельзя скатываться в истерику.

– Возьми себя в руки! – На этот раз она глянула на него не требовательно, а как-то умоляюще. – И давай попробуем договориться с Аликом. Иначе он не оставит нас в покое.

– Нас?

– А думаешь, он меня не достает? Как началось тогда на даче... А сегодня, как ты думаешь, зачем он пришел?

– Псих он у тебя!

– Ну вот, ты и сам все видишь! – с радостью согласилась Ирка.

В дверь несильно ударили.

- Открывай! – громко, но уже без лютой злобы потребовал Алик.
- Успокоился?
- Все, все...

Ирка набрала в легкие воздух, как это делают, собираясь погрузиться в воду с головой. Вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь.

Алик стремительно вышел из тира, танком надвинулся на Пашу, но бить его не стал.

- Алик! – Ирка взяла брата за руку.
- Я уже двадцать шесть лет Алик. И я еще ни разу тебя голой не видел!
- Паше можно, потому что мы любим друг друга.

Паша страдальчески закрыл глаза. Ну почему пол под ногами такой твердый? Почему он не проваливается?

- Если обидишь сестру, я тебя убью, – сказал Алик и больно ткнул Пашу пальцем в грудь. На этом разговор и закончился.
- Ты же меня не обидишь? – спросила Ирка, когда ее бешеный братец ушел.
- Я тебе завтра об этом скажу.

Паше действительно нужно было время, чтобы все обдумать. Но лучше бы это «завтра» не наступало.

Из школы он уходил, как будто спасался от пожара. И думал о том, что завтра утром надо будет срочно сожрать ложку сахара, сдобренного щедрой порцией йода. Если температура поднимется до тридцати восьми, мама точно разрешит ему остаться дома.

Глава 5

Физика, химия, алгебра, литература... А за окном уже май месяц, солнце, весна. Хочется любить и быть любимой. Но Паша в больнице, говорят, у него воспаление легких. Думали, просто простуда, лечили дома, а надо было сразу госпитализировать.

Катя стояла у открытого окна, на сквозняке, но это ее почему-то не пугало. Если она вдруг простудится, то сама попросится в больницу. А там Паша. Уж лучше с ним там, чем без него здесь, в школе.

– Тебе помочь? – послышался за спиной Иркин голос.

– Чем ты мне можешь помочь, двоечница? – не оборачиваясь, спросила Катя.

Как раньше они уже больше не дружили, но отношения старались не обострять. Даже иногда здоровались. Но, бывало, между ними искрило. Как сейчас, например.

– Из окна выпрыгнуть.

– А смысл? Здесь второй этаж. Разве что ногу сломаю... В больницу попаду. К Паше, – нарочно сказала Катя, поворачиваясь к Ирке.

Она сама начала разговор с коварной нотки, значит, заслужила язвительный ответ.

– В реанимации Паши нет! – разозлилась Ирка.

– Всего-то? А почему не морг?

– Сначала реанимация, потом морг.

Катя посмотрела на нее как врач на пациента.

– Я так и знала, это грибы. Сначала они вызывают бред и галлюцинации, а потом уже... Ты что, уже видишь себя в морге? Или пока что еще в реанимации?

– Я вижу себя с Пашей.

– Твой бред усиливается. Срочно в больницу! Срочно промывание! – Катя картинно развела руки, собираясь обратиться ко всем.

– Заткнись! – вспыхнула Ирка.

– Bravo! – Катя хлопнула в ладоши. – У тебя понос! Сама себя промыла!

– Тварь!

Ирка взбесилась, схватила ее за волосы, потянула на себя. Катя попыталась вырваться, но боль только усилилась, тогда она тоже схватила Ирку за волосы. Вокруг собралась толпа, девчонки галдели, пацаны смеялись, кто-то пытался их растащить, но Катя просто обязана была крепко держаться за Ирку, чтобы та не вырвала ей волосы. И только появление учителя заставило их разойтись.

Ирка с ненавистью смотрела на Катю, брызгая слюной. Но и Катя злилась не меньше. Сейчас она точно знала, что Ирка навсегда останется для нее врагом. Эта гадюка просто не имела права быть ее подругой. И все остальные в классе не заслуживали ее внимания. Весело всем, смешно. Но ничего, скоро выпуск, и Катя наконец избавится от этих недоумков.

* * *

Сколько глисту ни виться, все равно вылезет. Выздоровел Паша, закончилась лафа, пора возвращаться в школу. Тем более что до последнего звонка осталось всего ничего, а там экзамены, выпуск. И свобода. От школы. От ансамбля. Как бы Паша того ни хотел, а прав на инструменты и аппаратуру, столь нелюбезно подаренную шефами, он иметь больше не будет. А раз так, то лавочку можно закрыть уже сейчас. Раньше надо было думать, раньше группу создавать. Сейчас бы уже добились каких-то успехов, а так у них уровень такой, как будто никогда и не начинали. Статус ноль, развития ноль, перспективы ноль. Да и опыта, честно говоря, не особо. Все из-за Ирки с ее палками в колеса. Ну да ладно, уж лучше пусть она ставит палки, чем ей...

Это ведь из-за нее Паша заболел. Начал с малого – с капли йода в ложку сахара. Но как вдруг оказалось, простудился он по-настоящему. Постельный режим принял с удовольствием, но на лечение забил. Хотел, чтобы температура как можно дольше держалась. Так до воспаления легких и довел. Чуть лапы не склеил.

– Пашка!

Яшка знал, что его выписали, но встретил его с таким видом, как будто Паша с луны свалился. И даже напрыгнул на него, двумя руками надавив на правое плечо.

– Ты идиот? – Паша глянул на него как на последнего психа.

– Чего? – нахмурился тот.

– Как я играть буду? – Паша потер занывшее от боли плечо.

– В футбол?

– Придуриваешься?

– Мы с тобой теперь только в футбол можем.

– Почему?

– Сорокина состав группы обновила. Один только Ромка остался. Ему еще целый год учиться, а мы уже все.

– Да и хрен с ним, – скривился Паша.

Если эта дура думает, что он бегать за ней будет, умолять, то она уже никогда не поумнеет.

– С ним или с ней?

– Ну, если тебе своего не жалко, то с ней.

В школу Паша нарочно зашел уже после того, как прозвенел звонок. Не хотел он попадаться Ирке на глаза. И на переменах старался не показываться в коридоре. И в тир постарался забыть дорогу.

А после уроков подкараулил Катю – на пути к ее дому. Уж очень ему понравился мост через Змейку. Вернее, место под ним. Тихо там, трава мягкая, кусты пышные. Особенно сейчас. Но Катю еще нужно заманить в эти кущи.

Он нарочно не стал выходить ей наперерез. Просто показался на глаза, приветливо махнул рукой. И глаз с нее не сводил. Смотрел, как будто хотел загипнотизировать. И Катя повелась. Увидела его, молча свернула. Со стороны могло показаться, как будто кто-то толкнул ее в плечо, направляя к нему.

– Привет! – Он взял ее за руку, втягивая за собой в проулок.

Катя пыталась изображать равнодушие, но губы расплзались в улыбке помимо ее воли. И глаза у нее блестели, наверняка от радости. А может, и от предвкушения. Он же не просто так вел ее в кусты, и она это понимала.

– А ты меня здесь ждешь? – спросила она.

– Нет.

– А кого? – Катя не смогла сдержать возмущение.

Но при этом она продолжала идти с ним, как телочка на веревочке.

– Физиотерапевта.

– Зачем?

– Восстановительные процедуры. Для легких... Держись!

Они подошли к мосту, и Паша фактически толкнул Катю на тропинку. Но при этом он сам бросился вперед и бежал, подставляя себя как опору. Так они вместе и спустились под мост. А там он развернулся и поймал Катю, обняв ее.

– Ты сумасшедший! – В ее голосе было куда больше восторга, чем возмущения.

– Да нет, мне просто нужно было сбить дыхание.

– Зачем? – Она замороженно смотрела на него.

Тело у нее такое упругое, теплое, а внутри мощный излучатель возбуждающих импульсов. Паше хватило нескольких мгновений, чтобы напитаться ее энергетикой до предела. И если срочно не выпустить пар, он просто лопнет.

– Место здесь уникальное, – сказал он. – Воздух волшебный. Достаточно просто дышать... Через неделю легкие будут как новенькие.

– Через неделю?

– А если в этом волшебном месте меня поцелует волшебная девушка, то я заново рожусь прямо сегодня.

– А она поцелует? – Взгляд у Кати затуманился, улыбка застыла в ожидании.

Все, пора.

– Посмотрим.

Она откликнулась на поцелуй и обмякла еще до того, как приняла его язык. И снова его рука оказалась у нее под лифчиком. А грудь такая тугая, сосок такой приятный на ощупь, и как быстро он твердеет под пальцами.

Паша хорошо помнил, чем закончилась их прошлая встреча, поэтому не торопил события. Хотя едва сдерживал порывы. Но в конце концов он снова прижал Катю к дереву, она позволила ему забраться под юбку, но с силой сжала ноги. Ей нужна была передышка перед новым приступом безумия. Он ее понял, ослабил натиск, но Катя сама с силой прижала его к себе. Она еще боялась, но уже требовала.

Он приспустил брюки, приготовился взять последний барьер перед финишной прямой, но за спиной вдруг послышался злой хохот.

– И не стыдно? – голосом Ирки спросила нечистая сила.

Катя встрепенулась, оттолкнула его. Да он и сам отстранился от нее, натягивая брюки.

– Какого хрена? – Он готов был придушить Ирку.

– А вы чего здесь? – спросила Ирка, с презрением глядя на Катю. – Я могла бы ключи от тира дать, там кушетка... Сколько ты баб там трахнул?

– А ты свечку держала? – Паша глянул на Катю и мотнул головой.

Он просил ее не верить Ирке. Тем более что на кушетке в тире он так никого и не поимел.

– Где ж я тебе столько свечек возьму?

– Насочиняй! У тебя это хорошо получается! И вообще, вали отсюда!

Ирка не знала что ответить. Лицо ее дрогнуло, уголки рта опустились, на глазах заблестели слезы. Пашу это ничуть не удивило.

– А говорил, что всю жизнь любить будешь. И никогда не обидишь...

– Я говорил?

– А тебе говорил? – Ирка хлюпнула носом, сочувствующе глянув на Катю. – Или он с тобой без любви?

Паша глянул на Катю и мотнул головой. Нельзя верить Ирке! Но Катя глянула на него с обидой и возмущением. Не говорил он ей о любви. Ни слова не сказал. Но к дереву прислонился... И это притом что Ирке в любви признавался!

Катя не знала, как сдержать слезы, поэтому отвернулась от Паши. И со всех ног рванула вверх по тропинке.

– Он и тебя обманет! – крикнула ей вслед Ирка.

– Ну и змея же ты!

Паша бросился за Катей, но споткнулся и замахал руками, пытаясь удержаться на ногах. Ирка подскочила к нему, сгребла в охапку.

– Пусть уходит! – горячечно зашептала она.

– Да уйди ты!

Он попытался ее оттолкнуть, но не тут-то было. Ирка вцепилась в него как клещ. А Катя тем временем скрылась из вида.

– Отвали!

– Паша, я люблю тебя! Не бросай меня! Я без тебя умру!

– Пошла на хрен!

Он с трудом отцепился от Ирки, оттолкнул ее от себя. Она упала в кусты, оттуда, не поднимаясь, подала голос.

– Паша, не уходи! Паша, не бросай меня!

– Дура! – крикнул он, поднимаясь вверх по тропинке.

У моста он нос к носу столкнулся с бабкой в клетчатом платке. Она шарахнулась от него с таким видом, как будто лешего увидела. Паша продолжил путь, но Катю догнать так и не смог.

Он успел увидеть, как она заходит во двор своего дома. Услышал, как стукнула, закрываясь, калитка. И остановился. Все равно Катя не станет его сейчас слушать. Пусть успокоится, а он пока подберет правильные слова, чтобы завтра по уму ей все объяснить.

* * *

Бежевая «Волга» была похожа на такси, но Катя все же напряглась, когда машина остановилась перед ней. Если это такси, все равно странно. Советские люди в школу на такси не ездят.

Катя ускорила шаг, оставила «Волгу» позади себя. Она прошла метров сто, прежде чем автомобиль тронулся с места. Машина поравнялась с ней, открылась задняя дверь, и она увидела какого-то парня с бритой головой, который манил ее к себе пальцем. И смотрел на нее с таким видом, как будто она уже согласилась сесть в машину. Согласилась для того, чтобы заняться с ним развратом. Как будто она шлюха какая-то.

Вперед Катя идти не могла: мешала открытая дверь. Оставалось только назад и в сторону. Но не успела она сделать и шаг, как сзади на нее кто-то набросился, сгреб в охапку, и она оказалась в машине, за рулем которой сидел делового вида парень в солнцезащитных очках. Бритоголовый оказался справа от нее, а слева – стриженный «бобриком» бугай с толстой серебряной цепью на мощной шее. От него невыносимо воняло потом и табаком. А бритоголовый дыхнул на нее перегаром.

– Ну, здравствуйте, девочки! – густым баском засмеялся водитель.

– Здравствуй, гребля, Новый год! – Бритоголовый просунул ей руку между ног.

От страха и потрясения у Кати перехватило дыхание, она не могла ни кричать, ни говорить. Она смогла только крепко сжать ноги и сложить защитным крестом руки на груди.

– Тебе понравится, крошка, – сказал бугай.

Он обжал рукой левое бедро с внутренней его стороны. И потянули: он в одну сторону, бритоголовый в другую, ноги легко раздвинулись. А машина уже набирала скорость. И никто не гнался за ними, требуя остановиться. Зато у Кати прорезался дар речи.

– У меня дядя генерал милиции! – соврала она.

Знала она одну девчонку, у которой дядя действительно был генералом. Возможно, Юлька выдумывала, но как доказать, что это не так?

– Ну нет, генерала милиции пусть маршалы трахают, – сказал парень за рулем. – А нам, так уж и быть, тебя хватит.

– Вас потом самих будут... – зарыдала Катя.

– Ну давай, давай, чего ты остановилась? Давай, фантазируй, если это тебя заводит.

Бритоголовый и бугай держали ее за ноги, но под юбку пока не лезли. Вдруг испугались? Катя очень хотела надеяться на это.

– Не заводит меня... И я никому ничего не скажу... Если вы отпустите меня.

– А где у тебя дядя генерал? – спросил парень за рулем.

– В Москве.

– В Москву и поедет. Там у нас друзья... «Интердевочку» смотрела?

– Отпустите меня, пожалуйста! – захныкала Катя.

Ее не лапали, и это вселяло надежду на благополучный исход.

– Так вот они там без сутенеров работали. А ты будешь работать под сутенером. Но не за валюту, а за деревянные. У дальнобойщиков за плечами. Елками-палками будешь торговать. По рублю за сосну.

– Ну я же ничего плохого вам не сделала!

– Да, но и ничего хорошего тоже! – засмеялся бугай.

– Сделаешь, может, и отпустим! – хохотнул бритоголовый.

– Ну, пожалуйста!

– Сделаешь? – спросил парень за рулем.

– Нет!

– А почему? Паше делала, а нам почему не хочешь?

– Что я Паше делала?! – запаниковала Катя.

Она-то думала, что стала жертвой случайных отморозков, но оказалось, ее похитили, чтобы наказать за какой-то проступок. Не случайно все это.

– Трахалась с ним как последняя шлюха!

– Нет!

– Ага, скажи, что ты девочка! – хохотнул бугай.

– Да!

– Так мы сейчас проверим. Если девочка, отпустим.

– Не надо!

– Мою сестру надо, а тебя не надо? Нет, девочка, так не пойдет, – мотнул головой парень за рулем.

– Твою сестру?

– Иру Сорокину.

– Иру? Сорокину? Она твоя сестра?!

– А твой хорь ее обидел.

– Ты Алик?

Удивительное дело, Катя столько лет дружила с Ирккой, а ее брата увидела только сегодня. И при каких обстоятельствах!

– Это же ты сказала, чтобы Паша изнасиловал мою сестру.

– Я сказала?!

– Ты сказала. Вчера.

– Я ничего не говорила!

– Но с Пашей была?

– Ну, мы были с ним под мостом... А потом Ирка появилась... Я ушла...

– Правильно. Сказала, чтобы он трахнул Ирку, и ушла.

– Нет!

– Знаешь, что с тобой за это будет? – спросил Алик.

– Но я не говорила!

– Хочешь сказать, что он без тебя Ирку изнасиловал?

– А он ее изнасиловал?

– Ты видела это?

– Нет! Я убежала!

Ирка, конечно, та еще дура, но ведь она открыла Кате глаза. Паша даже слова о любви ей не сказал, а под юбку залез. А она и ноги раздвинула. Так ей стыдно за себя стало... А Паша за ней не побежал, потому что Ирккой занялся.

– А они с Ирккой остались?

– Ну да, остались...

- И он ее изнасиловал?
- Не знаю, не видела.
- А почему тогда Ирка заявление в милицию накатала?
- Не знаю...
- Мы тебя сейчас всем хором откатаем! А ты потом будешь рассказывать, что не знаешь, целка ты или нет.
- Ну, если Ирка заявление подала... Такими вещами не шутят, – пожала плечами Катя.
- И мы не шутим. Сказали, что за Ирку спросим, значит, спросим.
- Ну так а я здесь при чем?
- А Паша чей парень?
- У нас все только начиналось...
- Началось?
- Нет.
- А с Иркой началось... Ирка сейчас вся в соплях... А она твоя подруга. Или нет?
- Ну, подруга.
- Тогда тебе повезло. Мы тебя трогать не станем. Но в милицию отвезем. Показания дашь.
- Показания?! – опешила Катя.
- Не хотела она свидетельствовать против Паши. Тем более в пользу Ирки.
- Расскажешь, как все было.
- А что было?
- То, что сейчас с тобой будет. Если будешь овцу тут из себя изображать.
- Эй, я что-то не понял! – возмущенно протянул бугай. – Мы что, ее отпускаем?
- Пока да, – кивнул Алик. – Посмотрим, как она себя вести будет. Если что-то не так, никуда она от нас не денется. Катька, ты слышишь? У нас в Конашево самая крутая банда. Если я поставлю на тебе крест, можешь сразу вешаться. Потому что мы тебя по-любому закопаем. Но сначала вспашем. всем огородом. Ты этого хочешь?
- Нет!
- Тогда сейчас к ментам едем. А потом... Если Пашу вдруг отпустят... Если я увижу тебя рядом с ним... Нет, мы тебя убивать не станем. Сначала посадим на цепь, потом на иглу. И пользоваться тебя будем как последнюю... А когда сотрешься, отдадим дальнобойщикам. Надо же тебе как-то будет на дозу зарабатывать. Ты меня поняла?
- Катя опустила голову. Она не знала, о какой банде шла речь. Но эти три здоровых лба могли сделать с ней все, что угодно. Изнасиловать, убить и закопать. Сколько уже девчонок бесследно исчезло. Катя могла стать следующей...
- И вообще, почему она должна жертвовать собой ради парня, который даже не удосужился признаться ей в любви?

Глава 6

Нельзя вставать с левой ноги. Сейчас Паша точно мог это сказать. Сегодня утром он собирался поставить на пол правую ногу, а потом подумал и начал с левой. Еще усмехнулся, дескать, ничего не будет. Умылся, оделся, позавтракал, собрался идти в школу, и тут звонок в дверь.

До сих пор звон в ушах. После того, что затем произошло. Менты скрутили его как какого-то преступника, впихнули в машину на глазах у всего двора, отвезли в участок.

А здесь – какая-то баба с капитанскими погонами на плечах. Далеко за тридцать, жирная, корявая, под глазами мешки, как будто неделю не просыхала. На такую нормальный мужик и не позарится, а она смотрела на Пашу так, как будто у нее отбоя от женихов не было. Как будто приходится защищаться от них, чтобы сохранить святую невинность. Нелегко ей это дается, потому и ненавидит она всех, кто покушается на девичью честь. И Паша один из таких уродов.

– Это заявление! – Капитан Чеснокова накрыла пятерней лежащий на столе исписанный лист. Могла бы и маникюр сделать, подумал Паша. – А это заключение судебно-медицинской экспертизы!

– Я это уже слышал, – кивнул он.

– Осталось только признаться. И этим облегчить свою участь.

– Не в чем признаваться.

В дверь постучали, в кабинет заглянул мужчина с тонкими усиками под широким носом. Глянув на Пашу, он поманил к себе следователя. Женщина вздохнула, нехотя поднялась и вынесла свою толстую задницу за дверь. Паша с тоской глянул ей вслед.

Не думал он, что Ирка окажется такой сукой. А ведь он должен был понимать, что так просто от нее не отделаться. Ей ничего не стоило раздеться перед ним, лишь бы он только обратил на нее внимание. А там, где хитрость, там подлость и обман. Ну и в предприимчивости Ирке не отказать. И в милицию обратилась, и экспертам на исследование отдалась.

Чесноковой не было минут двадцать, вернулась она в приподнятом настроении. И торжествующе глянула на Пашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.